

Виктория Семенова: «Мой долгий путь к профессии»

Мною уже не раз рассматривалась на страницах "Телескопа" общая схема построения лестницы поколений советских/российских социологов и обсуждались различные методологические вопросы, относящиеся к этой теме. Но один вопрос я старался обходить, поскольку не видел ответа на него. Я понимал необходимость дать поколениям "имена" названия, которые отражали бы одну из главных особенностей каждой профессионально-возрастной когорты. Проще всего было с теми, кто стоял у истоков современной отечественной социологии; они — это те, "кому суждено было начинать". Следующее поколение получило название "первых учеников первых учителей". Когда количество интервью, проведенных с представителями третьей профессионально-возрастной когорты, перевалило за 25 и собран-

ные биографии были типологизированы по типу базового образования респондентов, сложилось и название этого поколения — "призванное помогать".

Но лишь недавно проявилась ситуация с четвертым поколением социологов. Оно входило в профессию в годы ранне-Брежневского периода советского общества, и свое тридцатилетие его представители отмечали в годы "созревающего" и "перезревшего" застоя. Наука не развивалась, исследовательское пространство "окуклилось", карьерные лифты остановились. Сегодня это поколение успешно работает только потому, что оно "спасено перестройкой".

Виктория Владимировна Семенова — одна из ярких представителей этих "спасенных".

Борис Докторов

— Вика, пожалуйста, расскажите о вашей родительской семье. В моих интервью я уже не раз сталкивался с тем, что перестройка и постперестроечное время по-новому открыли для людей — даже уже вполне зрелых — прошлое их семей. Было ли у вас что-либо подобное?

— Свою предисторию я бы начала с моих бабушки и дедушки, поскольку мы жили вместе, и наша жизнь текла и менялась в зависимости от дедушкиных назначений.

Мой дедушка с маминой стороны был из бедной семьи лесничего, но в юном возрасте получил возможность учиться в Киевском университете, это было еще до революции. Юридический факультет он тогда не закончил из-за начала гражданской войны: университет закрыли, и дедушка ушел на гражданскую.

В истории бабушки интересно, на мой взгляд, то, что ее семья была бедной неграмотной крестьянской семьей (г. Азов), которая, благодаря урожайным годам, несколько разбогатела в последние годы перед революцией. И тогда семья решила на эти деньги отправить всех своих 11 детей учиться, чтобы они получили высшее образование. Десять из одиннадцати действительно получили высшее образование, некоторые уже после революции. Эту историю я часто рассказываю своим детям и внукам, чтобы продемонстрировать ценность высшего образования в нашей семье.

В довоенные годы дедушкина карьера юриста продвигалась медленно, поскольку он не был членом партии, а вступил в нее только в годы войны, уйдя в ополчение, хотя было ему тогда уже под 50. В послевоенные годы, став членом партии, он стал получать высокие государственные назначения. Сразу после войны (1946 г.) он был направлен в Крымскую область заместителем министра юстиции, а в 1949 г. — в Чечено-Ингушскую республику, в г. Грозный — министром юстиции. Семья, бабушка-дедушка, мои молодые мама и папа, переезжали с места на место вслед за его назначениями, как это часто случалось тогда со многими советскими семьями. Даже трудно было сказать: откуда мы.

Там-то, в Грозном, я и родилась, это было в 1950 г. Впоследствии это обстоятельство неоднократно аукнулось в моей судьбе, поскольку когда я стала выезжать за границу в начале 90-х, каждый раз на границе меня останавливали, подозревая во мне потенциальную террористку, были разного рода сложности в посольствах и при приглашении на конференции. Своеобразная дискриминация по месту рождения.

Мне не исполнилось еще и года как дедушку снова перевели: он получил новое назначение — в Ярославль, и семья переехала туда, где я и провела свое детство и школьные годы на берегах Волги, вплоть до поступления в Московский университет.

Мама была врачом-невропатологом, отец — партийный работник областного масштаба.

Это я рассказала в ответу на ваш вопрос, как вы переосмысливали свою историю в начале 90-х. Да, действительно, такое переосмысление было, но несколько раньше, в середине 80-х, когда началась перестройка. Мы много говорили об этом уже после смерти бабушки с моей мамой, ретроспективно сопоставляя события и факты. Дедушка был человек дореволюционной формации. К послереволюционным событиям относился очень осторожно, поэтому и в партию вступил очень поздно. В довоенные годы был два раза кратковременно арестован (за адвокатскую деятельность в защиту кулаков и за то, что пел в

церковном хоре Софийского собора), но под репрессии не попал.

Был открытым человеком, но о работе в семье говорил мало, чтобы не потревожить родных. Поэтому мы и сопоставляли факты задним числом: его назначение в Крымскую область сразу после выселения крымских татар, и затем назначение в Чечено-Ингушетию после очередного выселения. По-видимому, это было попыткой усилить юридическую легитимацию процесса выселения народов путем назначений из центра. Однако, и там, и там он задержался недолго и был переведен в спокойный Ярославль.

Я считаю, что от своей семьи получила очень сильный нравственный и интеллектуальный заряд, ориентацию на образование и на жизненные достижения. Неслучайно в бабушкиной семье неграмотных крестьян все дети были сориентированы на учебу и высшее образование и реализовали эти планы, как только в семье появились первые деньги. Этот заряд впоследствии существенно направлял и до сих пор направляет меня. Он шел в первую очередь от сформированного в семье образа дедушки как идеала для подражания. Мне всегда говорили, что я должна быть достойной внучкой своего дедушки, и, если я что-то делала не так, — "это недостойно внучки такого дедушки". По-видимому, это остаточное влияние некоей дореволюционной культуры, ориентированной на утверждение своего личного человеческого достоинства.

Эта нравственная ориентация, идущая от дедушки, была сильно поддержана жизненной философией моей мамы. Будучи врачом-невропатологом, она безгранично отдавала себя служению окружающим людям, больным и здоровым. Падала от усталости, но могла часами заниматься одним больным, если тому требовалась ее помощь. Я помню еще маленькой, как люди, выходя от нее, говорили: вот поговорила с вашей мамой, и уже стало значительно легче. А однажды мы с мамой бежали на трамвайную остановку, чтобы успеть на трамвай. Женщина-вагоновожатая, когда мы добежали, с укором сказала: "Ну, что же вы так бежали, разве я не вижу — мой доктор идет, ну разве я не подожду". Память о ней как о светлом и широкой души человеке и докторе до сих пор жива у людей, которые с ней встречались. И мои слова здесь о ней — это тоже дань ее памяти.

Духовное становление в годы ранней юности было поддержано в школе моим школьным окружением, где мы, компания из пяти-шести человек, активно обменивались своим ранним литературным опытом чтения Золя, Мопассана, Пюго, новинками журнала "Юность", магнитофонными бобинами с записями битлов, раннего Высоцкого, Окуджавы, Визбора и других, добытых и привезенных от московских друзей. Это была престижная по тем временам специализированная школа с углубленным изучением английского языка, которая готовила своих выпускников достаточно хорошо. Сейчас только одна моя одноклассница из той компании осталась в Ярославле, два парня — в Москве, одна подруга работает архитектором в Питере, другая поступила в Киевский университет и живет сейчас в Киеве, а самая близкая — работает врачом в Таллинне, в Эстонии.

— В недавнем письме Вы отметили, что учились на журфаке МГУ? Вы целенаправленно готовились к тому, чтобы стать журналистом, или дело случая? К какой области журналистики вы себя готовили?

— Как часто бывает в подобных случаях, мой выбор журналистики как будущей профессии был скорее делом случая. Я училась в хорошей английской школе, была активисткой и амбициозным человеком и при моральной поддержке семьи была ориентирована на "университет". Выбрала журналистику, как достаточно экзотическую и творческую специальность, хотя и готовилась к поступлению этому в течение последних двух лет школьной учебы. У меня был ряд публикаций в местных газетах. Без этого на журфак не принимали.

Конечно, ехала поступать на газетное отделение, ни о каких-то там телевизионных или международных сферах я и не думала.

Поехала поступать почти наугад, чтобы попробовать свои силы. Мне было тогда 16. К моему удивлению без всяких связей прошла высокий конкурс и неожиданно поступила, довольно легко. Хотя журфак МГУ славился своей блатной репутацией, но, по слухам, несколько мест отдавалось вот таким вот "людям с мест" как я. Вообще-то, как говорили позднее все вокруг нас, сильные мира сего отдавали туда своих дочек, а на экономический факультет — сыновей.

Если несколько отстраниться от собственной биографии и как-то прокомментировать этот поворотный момент, то можно отметить, что эта типичная ситуация первичного юношеского выбора складывалась из нескольких составляющих. Во-первых, это была стратегия риска. Поскольку из престижной школы значительно легче было просто поступить в местный ВУЗ, как это делало большинство. Здесь же была выбрана Москва, а в ней — наиболее престижный МГУ, к тому же факультет, о котором было известно, что конкурс там составляет около 20 человек на место. Во-вторых, это был направленный выбор, поскольку я к нему долго готовилась, и выбрала социально-ориентированную специальность, которой не было в моем городе. И в-третьих, это была общесемейная, а не только моя индивидуальная стратегия, так как многих моих одноклассников родители просто не хотели так просто отпускать в свободное плавание в другой город.

— Как в целом проходили Ваши студенческие годы... чем они были окрашены? Какие события наиболее запомнились?

— Я не могу сказать, что я как социолог отношу себя к какому-либо из поколений по вашей градации. Скорее есть ощущение попадания в некий "зазор" между ними. С одной стороны, я вроде бы ощущала некую духовную близость с 60-десятниками, хотя по возрасту была значительно младше. Они меня тоже считали как бы "своей", до сих пор называют "Викой". С другой стороны, в постперестроечное поколение тоже не попала, поскольку по возрасту уже не попала в число тех, кто проходил через учебу и стажировки в западных университетах. Туда я попала уже в качестве зрелого исследователя, как преподаватель или исследователь. Поэтому была неким связывающим звеном между разными поколениями социологов.

Тожe и в университете на журфаке. Мы пришли туда в момент завершения периода "Хрущевской оттепели" (1967 г.), когда все "теплые" потоки ослабевали. Было ощущение, что все лучшее и яркое уже закончилось. Только позже я узнала, что на старших курсах факультета в 67-68 годах были студенческие волнения, было исключено несколько студентов. Тогда-то, или несколько позже, с факультета был уволен ряд преподавателей, в том числе и Юрий Александрович Левада, который читал на старших курсах лекции по конкретным социальным исследованиям. Для нас этот курс вместо него читала уже Галина Михайловна Андреева; это был курс по социальной психологии.

Т.е. мы жили в разговорах о том, что вот совсем недавно на факультете кипела жизнь, была атмосфера интеллектуального поиска, какие-то студенческие кружки, а теперь все заглохло: "вы пришли немного поздно и многого не застали".

Конечно, под подушкой мы держали самиздатовские рукописные материалы, перепечатанные на папиросной бумаге. Тогда же прочитали и "Один день Ивана Денисовича", и "ГУЛАГ".

Но основным, самым приятным времяпрепровождением студенческого времени для меня была "Ленинка", а также ее знаменитый буфет как место неформального общения. В Ленинке самым приятным было "доставать" из спецхранов разные малодоступные книги, для чего изобретались сложные стратегии. Я была увлечена учебой, античной и древнерусской литературой, а также современной западной литературой. На

журфаке всегда было хорошее классическое образование. Студенческие годы существенно расширили границы моего представления о мире литературы и мировой культуры: в него вошли Еврипид и Эсхил, "Слово о полку Игореве", Франсуаза Саган и Марсель Пруст, а также французские и итальянские фильмы, Феллини, которые показывали на закрытых показах на факультете.

В этих же стенах Ленинки позднее прошли мои аспирантские годы. Обычные для других студентов летние каникулы мы проводили на практике. Это были разные газеты от районного до республиканского уровня. Из-за журналистских практик никакой студенческой целины, характерной для студенческой жизни того времени, у нас не было. Я тогда побывала в Калининграде ("Калининградская правда") и увидела могилу Канта, услышала все местные мифы и истории, связанные с событиями войны. Потом была на практике в республиканской газете в Минске, в Ярославской областной газете. В редакциях говорили, я хорошо пишу. И я четко была тогда настроена на журналистскую профессию.

Вместе с тем, для меня, как это не странно, студенческие годы не стали лучшими, как это обычно считается. Я очень благодарна университету за полученное "классическое" образование, за древнегреческую и древнерусскую классику, но были еще и разные весьма скучные "тр-пр" (на студенческом языке: "теория и практика партийной советской печати"), характерные для тогдашнего журналистского образования, существовавшего под прессингом марксизма-ленинизма. В целом, несмотря на достаточно объемные курсы по философии я, как и большинство будущих социологов того времени, не получила формального социологического образования, да и вообще-то тогда толком не знала о существовании социологии вообще. Этот факт способствовал тому, что долгие годы я продолжала считать себя неопитом в поле социологии.

— **Так Вам не пришлось слушать лекции Ю.А.Левады?**

— Разговоры о запрещенных на журфаке лекциях Юрия Левады доходили до нас на уровне слухов в общежитии. По "наводке" старшекурсников мы тогда несколько раз ходили на его лекции в "высотке". Лекции носили полуофициальный характер, и проходили, кажется, на 25-ом этаже высотного здания МГУ. Там в то время происходили разнообразные полуоформальные внеаудиторные мероприятия, если они могли представлять интерес для студентов. Объявлениями о разных таких лекциях пестрели стенды в Высотном здании.

Тогда я о социологии и не думала, как я говорила, а теперь полагаю, что это были выжимки из его "Лекций по социологии", но, к сожалению, более подробно я тогда не запомнила их содержания.

Мое внимание было больше сосредоточено на самом лекторе: Юрий Левада произвел на меня впечатление тогда больше как личность. Я на него смотрела как на человека, которого "запретили", но который при этом сохранил человеческое достоинство, и теперь читает полуофициально, вопреки запретам. Привлекала также форма его открытого общения с аудиторией, что весьма контрастировало с формальным характером лекций наших обычных преподавателей. Таких лекций, на которые я присутствовала, было всего две, потом они прекратились. Наверно, это были последние отзвуки Оттепельного времени.

То есть тогда меня привлек скорее сам тип человека, находящегося "под запретом", масштаб его личности, и это запомнилось. Хотя и осталось неким подспудным фактором, не на прямую предопределившим мой последующий выбор.

— **Как в Вашу жизнь входил интерес к социальному? Через курсы, изучавшиеся по программе подготовки журналистов? Через журналистскую практику? Был ли у вас систематический курс социологии?**

— Всегда интересно, на основе чего человек осуществляет свой жизненный выбор. Тем более выбор поля деятельности,

который еще не сформировался как институт, существует большей частью неформально, не имея даже системы профессиональной подготовки, как это было с социологией в то время. Тут, наверно, наибольшее значение приобретают индивидуально-личностные факторы. Конечно, еще в семье, поскольку это была семья советских и партийных деятелей, много говорили о социальном и о политике. Во-вторых, мои литературные увлечения мировой литературой в ранней и более поздней юности. Конечно, и выбор журналистики в качестве будущей сферы деятельности тоже был проявлением этого интереса. А если говорить содержательно, то, наверно, с самого начала это был интерес к жизни "простого человека", к его переживаниям, сопереживание и стремление к некоей социальной справедливости. К этому я обращалась в своих журналистских публикациях, в первых студенческих исследовательских работах.

А что касается моих студенческих исследовательских интересов, то я писала курсовые работы по кафедре литературной критики по тематике "Литература и революция" и собиралась даже поступать в аспирантуру по проблематике "Тема литературы и революции в литературной критике А.В.Луначарского", куда меня впоследствии и пригласили, но я была уже "в социологии".

— **Судя по всему, в самом начале 70-х Вы закончили обучение. Если говорить о профессиональной деятельности, то чего же Вам тогда хотелось? Что произошло?**

— Действительно, я тогда была твердо настроена на журналистскую работу и даже имела несколько приглашений, например, в "Белорусскую правду", тогда это была мощная республиканская газета. Рассматривался и вариант с ярославской областной газетой "Северный рабочий", куда меня тоже брали на работу. Но все случилось иначе. Опять же определенное стечение жизненных обстоятельств, пересечение случайностей.

Когда я заканчивала университет, я была уже замужем. Я вышла замуж на четвертом курсе. Мой муж учился на юрфаке МГУ и оканчивал университет одновременно со мной. У него было направление в аспирантуру, но он оказался призванным в армию, правда, в профессиональном качестве, как юрист. Несмотря на его активное нежелание "служить", ничего изменить не удалось, и я вследствие этого получила свободное распределение, т.е. должна была устраиваться на работу самостоятельно, по месту призыва мужа.

Надо сказать, место его призыва было довольно удачным: Подмосковье, г. Солнечногорск, уютный штабной военный городок, где муж должен был два года отработать в военной прокуратуре. По тем временам для нормальной молодой семьи это считалось большой удачей: муж получал приличную зарплату (значительно больше зарплаты молодого специалиста, и тем более аспиранта), нам в городке сразу дали однокомнатную квартиру, снабжение было "штабным". Я стала "женой офицера", да еще и весьма высокопоставленного, имеющего отношение к штабу и прокуратуре со всеми вытекающими из этого последствиями. Все "нормальные" люди считали все это большой удачей. Но для нас все это не представлялось завидным будущим, и мы рвались оттуда, что было сил.

Во всяком случае, я. Я сразу же стала искать себе работу, чтобы хоть как-то разрушить имидж "жены офицера". Конечно же, в Москве, которая была в двух часах езды на электричке от городка. О том, чтобы без распределения и каких-то связей найти работу журналиста в Москве в то время не могло быть и речи, и я начала более широкие поиски.

Через своих бывших однокурсниц меня направили в организацию с хитрым названием НИО ВШПД ВЦСПС — Научно-исследовательский Отдел Высшей школы профдвижения ВЦСПС. Очень тихое отстойное место для бывших высокопоставленных профсоюзных и других номенклатурных работников с симпатичным зданием в центре Москвы и со свободным режимом работы. Меня это очень устраивало.

Сначала меня взяли секретарем-референтом — обычная

должность для молодых выпускниц МГУ, а через месяц я попала в один из исследовательских отделов, которым заведовал Анатолий Георгиевич Харчев.

— **...Вика, я перебыю Ваш рассказ, вспомните немного об А.Г. Харчеве...**

— В то время он только что перебрался из Ленинграда в Москву и в этом НИО ВШПД ВЦСПС "отрабатывал" свою новую московскую квартиру. Одновременно он работал и в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС и начинал заниматься подготовкой к изданию нового социологического журнала (начал выходить в 1974 г.).

Анатолий Георгиевич на меня тогда производил впечатление очень деятельного человека. Я всегда удивлялась его способности одновременно успевать делать так много дел. В этом отношении он для меня всегда был примером. Он обладал способностью заниматься сразу многими делами в разных сферах: от сугубо научной до партийно-функциональной. Уже тогда он был автором известной книги "Брак и семья в СССР" (1964 г.), на которую специалисты ссылаются до сих пор. У него было несколько перспективных аспирантов (в их числе М. Мацковский, В.Шапиро, М.Позднякова и др.), которые относились к нему очень уважительно, как к мэтру. Он вел активную международную координационную работу, читал много публичных лекций по социологии семьи для партийных функционеров (и всегда активно откликался на такие просьбы, хотя не все мы любили эти лекции через систему общества "Знание"), а также, на мой взгляд, очень удачно использовал свой партийный статус. Я имею в виду, что он активно откликался на разные жизненные просьбы своих ленинградских коллег, и всех, кто обращался к нему за поддержкой и помощью, используя для этого свои связи в партийных сферах. Что не получалось сделать впрямую, через официальные каналы удавалось ему "провернуть" через личные связи.

В сфере его интересов тогда были проблемы семьи, молодежи, "коммунистического воспитания", а также сексология. По последнему направлению он сотрудничал с И. Коном и С. Голодом. С последним у него впоследствии вышла совместная монография ("Производственная работа женщин и семья"). Такое название, конечно, ничего общего не имело с содержанием книги, а скорее служит свидетельством того, как "нелегальные" проблемы протаскивали через официальные, нейтральные заголовки.

Я думаю, что и при организации первого социологического журнала, он очень удачно использовал свой партийный ресурс, хотя о "кухне" организации социологического журнала тогда я знала достаточно мало. Несмотря на это, начиная с выхода первого номера "Социологических исследований", я тщательно собирала все номера и сохраняла всю его подшивку журнала вплоть до последних номеров. Только недавно отдала свою коллекцию в студенческую библиотеку.

Кроме того, меня подкупала в Харчеве способность, несмотря на занятость, много времени уделять своей собственной семье и детям. Он много помогал своей жене Валентине Геннадьевне в становлении ее научной карьеры, а также в воспитании двух маленьких очаровательных дочек, которыми он очень гордился и демонстрировал их успехи всем своим коллегам. Это было редкостью в те времена. Кроме того, это на практике реализовывало его взгляды на проблемы семьи и социализацию молодого поколения.

По роду своей совместной работы с Харчевым я часто бывала у него в семье. И пример самой Валентины, целеустремленно реализовывавшей стремление к научной деятельности, несмотря на наличие двух детей, стал для меня неким ориентиром в последующие годы. Недаром В.Г. Харчева, впоследствии автор нескольких книг по социологии, стала моим оппонентом при защите диссертации.

Но мне кажется, что, несмотря на многостороннюю активность, все же центральным объектом интересов Анатолия Ге-

оргиевича тогда была социология семьи. Поэтому к нему в особнячок с вывеской "НИО ВШПД ВЦСПС", приходило на неформальные семинары большое число социологов, которые вместе с ним работали в этой области: Зоя Янкова, Майя Панкратова, Володя Шапиро, Миша Мацковский, Рита Позднякова, Франц Шереги и др. Конечно, я присутствовала на этих семинарах скорее в качестве неопытного наблюдателя.

Теперь мне представляется, что сильное развитие социологии семьи сравнительно с другими направлениями социологии того времени, произошло именно благодаря личности Анатолия Георгиевича. По-моему, это тоже проявление индивидуально-личностного фактора в становлении любого нового поля, о котором я уже говорила. Личность и активная деятельность Харчева предопределила быстрое и активное становление этого направления в социологии по сравнению с другими отраслевыми социологиями. Он много пропагандировал это направление, к тому же эта область социологии была наименее подвержена идеологическому контролю. Активно сотрудничал с международными организациями, занимающимися социологией семьи, с Международной социологической ассоциацией, с Рубеном Хиллом (Reuben Hill, 1912-1985), который, по-моему, возглавлял тогда международный исследовательский комитет по семье. У Харчева была большая личная переписка с различными исследователями в этой области, и он достаточно часто для того времени выезжал на международные конференции (благодаря своей работе в АОН, не помню точно его тогдашний статус там).

Поскольку у него была обширная переписка на английском языке, ему и нужен был, кроме его непосредственного референта, человек, знающий язык. Я уже говорила, что я оканчивала специализированную английскую школу, а университет также весьма повысил мои знания в этой области.

В целом, я считаю, что английский язык стал для меня важным профессиональным ресурсом. Он оказал сильное влияние на всю мою профессиональную карьеру и в дальнейшем. Так и здесь: Харчеву я оказалась нужна, и это стало началом моего пути в социологию.

— **... продолжим рассказ о вашем вхождении в социологию...**

— У А.Г. Харчева я занималась его международными связями. Писала, верней, переводила, его письма и письма к нему, а также занималась переводом англоязычных социологических статей. Сначала это требовало большой работы со словарями, что тоже очень вдохновляло, ориентировало на длительные поиски и находки, было интересно каждый раз заново входить в англоязычный контекст того или иного понятия. Естественно, постепенно входила в социологическую проблематику. Наиболее ярким событием того времени (и трудоемким, долговременным занятием, результатом которого я гордилась) для меня стал перевод до сих пор знаменитой книги James Coleman "The Adolescent Society". На русском языке эта книга так и не вышла.

Надо сказать, что Анатолий Георгиевич лично, а также его активная, бурная деятельность в разных направлениях общественной, партийной и научной деятельности, сильно стимулировали меня к занятию собственными изысканиями в области проблем социализации. Тогда для этого в советской социологии существовало более пропагандистское название — коммунистическое воспитание.

Итак, встреча с Харчевым и работа с ним была случайным обстоятельством, но она открыла для меня новую неизвестную и развивающуюся сферу деятельности, а меня всегда увлекало что-то новое. Конечно, это встреча могла стать коротким эпизодом временной работы, после которой я по логике полученного образования и предшествующих, казалось бы, четких устремлений могла снова вернуться в журналистику. Но этого не произошло. Наверно, настрой на журналистику не был уж таким мощным, как я до этого предполагала. Сработал здесь, во-

первых, общий мой настрой на "новое", на риск и поиск: для меня это была возможность посмотреть на социальные проблемы не с позиции практической журналистики, которая для меня уже была "открытой" областью, а с позиции научного их изучения. К тому же, еще в университетские годы, как я говорила, у меня была склонность к научно-исследовательской деятельности, а работа у Харчева открывала для этого новые возможности. И я пошла по этому пути дальше.

Я тогда опубликовала две собственные статьи в каких-то серьезных сборниках НИО ВШПД ВЦСПС. Точного названия тех статей не помню, но понятно, что там было много ссылок на работы Харчева и на отрывки из прочитанных иностранных статей. Естественно, это было что-то о влиянии профсоюзов на коммунистическое воспитание молодежи.

Но при окончательном выборе новой сферы всегда, по-видимому, важны люди, носители таких идей. Первым таким столкновением был Левада, как человек "под запретом" властей, вторым стал Харчев и его кружок людей, увлеченных новой наукой. С этого все и началось.

Где-то на третий год работы у А.Г. Харчева, в 1975 г. я поступила в аспирантуру Института конкретных социальных исследований. Верней так: я поступала в 1974 г., но не добрала баллов на вступительных экзаменах, а на следующий год уже поступила нормально и пришла в очную аспирантуру, которой заведовала Любовь Анисимовна Воловик, весьма уважаемая многими аспирантами Института того времени.

Была настроена на работу под руководством Харчева, но в этом году у него, в секторе проблем семьи и быта, не было аспирантских мест, и я попала в аспирантуру к Николаю Сергеевичу Мансурову, в то время заместителю директора Института.

— Кто одновременно с Вами учился в аспирантуре? Какую тему Вы избрали (Вам предложили) для собственной разработки?

— В те годы в институте шла большая битва за выживание, и многие вынуждены были уйти из Института, но до нас, тогдашних аспирантов эта война доходила только опосредованно, в виде отдаленных раскатов, скорее наоборот давала возможность жить более свободно, вне контроля враждующих сил.

Например, то, что я попала в аспирантуру к Мансурову, оказалось тоже следствием какой-то внутренней борьбы мэтров за аспирантов. А.Г. Харчеву сказали, что якобы я сама не захотела идти к нему в аспирантуру, о чем он мне с обидой сообщил несколько позднее.

Тем не менее, для меня лично это были годы "моих университетов". Самым общим направлением моей кандидатской была проблематика социализации, причем не институтов социализации, а "объектов" социализации. В рамках этого направления я свободно и самостоятельно выбрала достаточно экзотическую проблематику: эмпирические показатели измерения моральности личности, которая, понятно, была вне социологического мейнстрима, ближе к социальной психологии и проблемам становящейся личности. И по ней проводила львиную долю времени в своей любимой "Ленинке", доставая в первоисточнике работы Дюркгейма ("Самоубийство"), Конта, Зиммеля, книги по психологии и социальной психологии, а также редкие экземпляры иностранных журналов по моральной статистике.

В рамках своей диссертации я тогда провела и небольшое собственное эмпирическое исследование на одном из заводов Москвы. В содержательном плане речь шла о методике измерения моральности на основе сопоставления собственных отзывов личности и мнений о нем третьих лиц.

Наш аспирантский кружок (среди наиболее известных сейчас моих однокурсников философ Игорь Чубайс) с воодушевлением слушал лекции Андрея Здравомыслова и, вечно опаздывающего с ленинградского поезда, Владимира Ядова. Были еще и Н.И. Лапин, и Ю. Н. Давыдов.

Если говорить о сфере отношений учитель-ученик, то для

меня и во времена аспирантуры, и значительно позже подлинным учителем был В.А.Ядов, поскольку и по тематике его тогдашних интересов (социальная психология), и по личности как исследователя и человека, он для меня на долгие годы остался пожалуй самым авторитетным. Хотя близкие контакты с Ядовым были тогда достаточно фрагментарны: он не был моим научным руководителем, да и в Институте появлялся достаточно редко.

Я работала с большим воодушевлением, хотя и в одиночку. Моя тема мало сочеталась с работой Мансурова или кого-либо из сотрудников Института. Но свою тему я отстаивала жестко, за что получила от Н.С.Мансурова звание самой вредной аспирантки. Но относился он ко мне во время аспирантуры хорошо, возлагал большие надежды и предоставлял максимум свободы. В 1981 г. я защитилась. Защита прошла блестяще, мне даже было несколько обидно, что все прошло так гладко, поскольку я готовилась к возможной "битве" на защите основательно.

После защиты (или даже за несколько месяцев до нее) меня приняли на работу в Институт, в сектор Мансурова, что в те годы для аспиранта было большой удачей. С этого момента начинается моя формально-профессиональная деятельность в качестве социолога.

Надо сказать, что и я сама, и многие мои коллеги, особенно за рубежом, откровенно удивляются, что можно пройти весь профессиональный путь в одном институте, несмотря ни на какие социальные и жизненные катаклизмы. С тех пор меняется только мое положение в иерархии этого учреждения: статус, звание, должности: от младшего научного сотрудника до заведующего сектором. Но радикальных изменений в месте работы у меня с тех пор не было.

Такое профессиональное постоянство в нашей социологической среде тогда не было "исключительным случаем": первоначально это совпадало с советской тенденцией к стабильности на рабочем месте, да и не было особо мест, куда можно было бы горизонтально мигрировать социологу. Потом люди стали уходить, сначала в другие, вновь открывшиеся учреждения, а потом и вообще из социологии в сложные годы начала-середины 90-х, когда трудно было выжить на зарплату социолога. Мне же как-то удавалось сохранять постоянство, не знаю, можно ли это отнести к плюсам или к минусам в моей профессиональной карьере.

— Каким Вам вспоминается Институт социологии в 80-е годы? Вы тогда были младшим научным сотрудником.

— Вскоре в нашем секторе случился скандал, который чуть не стоил мне работы в Институте и который полностью изменил мои отношения с Н.С.Мансуровым.

Я стала профсоюзной активисткой и по роду своей профсоюзной деятельности была вовлечена в конфликт между Е.Таршисом, которого фактически выгоняли из института за его национальность, и Мансуровым. Встав на защиту Таршиса, я приобрела сильного противника в лице Мансурова, и он, как администратор, делал все, чтобы меня уволили из Института. Ситуация разрешилась неожиданно: сменился директор, пришел В.Н. Иванов, и Мансуров сам вынужден был уйти из Института.

С приходом нового директора в институте началась очередная перестройка, сектор Мансурова расформировали, и я попала в отдел Ф.Р.Филиппова, в сектор В.И. Чупрова, который занимался молодежной проблематикой.

Я бы те годы назвала "годы без лица". Для младшего научного сотрудника жизнь была встроена в узкие рамки системной иерархии и бесперспективна на долгие годы. Иерархические отношения были сконструированы достаточно жестко, и все мы, молодые сотрудники, были как пешки, которых переставляли из одного подразделения в другое, исходя из соотношения сил в руководстве института, без внимания к собственным научным интересам и потребностям. Мы были как солдаты

невидимых армий, пополняли ряды одних, или ослабляли ряды других.

Профессиональная жизнь сводилась к участию в сериях серых сборников, которые теперь бесславно пылятся на моих полках одним безликим блоком. Хотя были и конференции, и поездки на исследования, но сейчас, с прошествием времени, это представляется именно так: мы были винтиками в иерархических отношениях мэтров разного ранга. Это было вплоть до исторического для Института времени, когда директором стал В.А. Ядов.

Хотя в моей личной судьбе это были очень важные годы: еще в аспирантские времена (1977 г.) у меня родился первый сын, а в 1981 г. — второй. Я в это десятилетие была, конечно, больше сосредоточена на их воспитании, хотя старалась сочетать профессиональную деятельность и материнскую.

В секторе молодежи в 80-е годы (В.И. Чупров) подобралась очень симпатичная компания сверстников, со многими из которых я дружна до сих пор: это Марина Малышева, Михаил Черныш, Александр Кинсбургский, Людмила Коклягина, Елена Васильева (она была старше нас), Юрий Качанов, Михаил Топалов. И хотя под руководством Чупрова нам было достаточно сложно, но, тем не менее, были и интересные дебаты, и интересные проекты.

Самым ярким событием того времени я считаю включение нашей команды в первый лонгитюдный всесоюзный проект Микка Титмы "Пути поколения" или более точно "Включение молодежи в рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию" (1982-1996 г.г.). Проект недостаточно оценен в истории российской социологии, но я всегда его упоминаю в качестве знакомого. Этот проект Титма начал в Эстонии, потом подключились Литва (Арвидас Матуленис) и Латвия, затем Свердловская область, Московская область, Харьковская, Таджикистан. В целом исследование проходило в 14 регионах тогдашнего СССР.

Проект предполагал долговременное отслеживание социальной и поселенческой мобильности одной когорты с момента окончания среднего образования на базе 8-летней школы в 1982/83 и 1983/84 г.г. и до их 30-летия. Формировалась единая информационная база адресатов, к которым исследователи неоднократно возвращались с письменным анкетным опросом раз в 4 года. Объем выборки во всех регионах составлял примерно 5% генеральной совокупности. Проект был амбициозным и перспективным. К тому же, ретроспективно оказалось, что на долю этой когорты (рожд. 1965-1967 г.) выпало много испытаний, связанных с крушением страны, в которой они жили, и той системы социализации, в которую они вошли совсем еще юными людьми.

Титма ориентировал проект на методологию образцовых западных лонгитюдов (Карл Ульрих Майер, Нэнси Тума), и пытался реализовать эту сложную методическую стратегию в СССР. Мне кажется, первичные амбиции Титмы при начале этого проекта состояли в том, чтобы доказать существование различий в жизненных путях молодых людей в отдельных регионах (особенно в Прибалтике), в противовес действовавшей тогда формуле о формировании "единой общности советских людей".

Этот проект представляется мне историческим поскольку, во-первых, свел на долговременной основе большой научный коллектив молодых исследователей из разных регионов. Впоследствии многие из этих молодых сформировали социологический "костяк" в Казани, Свердловске, на Украине, в Таджикистане и, конечно, в теперешних балтийских странах. Этот коллектив существовал достаточно долго, и его распад произошел несколько позднее, чем формально распался СССР. Возможно, он мог бы существовать и дальше, если бы не влияние центростремительных сил и не отъезд Титмы за рубеж.

Помимо этого, проект основывался на хорошей методической базе зарубежных институтов, и это позволяло коллектив-

но овладевать передовыми мировыми методиками проведения исследований. А было это в начале 80-х годов, и все эти фондовские и грантовские формы обучения появились значительно позже. То есть проект стал хорошей практической школой для целой генерации молодых исследователей.

Кроме того, он собрал десятилетнюю информацию о молодой когорте, которая оказалась на разломе исторического процесса, через нее "прошли" волны цунами: сначала перестройка, а затем последующие экономические реформы.

Однако было одно "но". Это проект был чисто "позитивистский", он собирал лишь цифровую информацию о когорте и никто (включая, прежде всего, Микка Титму) не смог адекватно оценить и проинтерпретировать полученный материал. Этот материал остался фактически интеллектуально неотрефлексированным, что случается иногда со многими большими коллективными проектами, хотя на его основе защищались десятки диссертаций. Его материальными результатами стали 10 сборников статей, а также две монографии: "Начало пути: поколение со средним образованием" и "Жизненные пути поколения со средним образованием", выпущенные издательством "Наука" (где я была соредактором с М. Титмой и Л. Коклягиной).

Насколько я знаю, этот лонгитюд до сих пор продолжает фрагментарно существовать, но он так и не получил общественного резонанса. Особенно его значение сошло на нет, когда произошел развал Советского Союза и распался научный коллектив. Он не выдержал испытания временем.

Для меня этот проект стал продолжением моего интереса к работам Ф.Р. Филиппова, И.С.Кона и В.Н. Шубкина по поколениям. Я начинала свою работу как многие социологи с интереса к проблемам социализации молодежи. Но прекрасно понимала, что эта проблематика достаточно ограничена и надо с годами менять локус. Логичным было расширить сферу интереса: от молодежи к другим возрастным стратам, в данном случае таким логическим продолжением интереса к молодежи стала поколенческая проблематика: основываясь на взглядах К.Мангейма, я заинтересовалась проблематикой межпоколенных отношений: разрыв и преемственность поколений, межпоколенные отношения, "шаг" поколения и т.д. и каковы взаимоотношения поколений в современном обществе.

— Мы подошли к периоду перестройки. Как он для вас начался?

— Начало перестройки для меня связано с несколькими крупными событиями, фактически это стало началом моей профессиональной самостоятельности.

Во-первых, где-то в 83-84-ом г. я, наконец, решила вступить в КПСС. До того я не откликалась на призывы вступить в партию, поскольку для людей моего поколения это четко означало "делание карьеры", а я не собиралась ее делать. Но в преддверии перестройки я все же написала заявление о приеме в партию. Период моей партийности длился недолго, около полутора лет. Пошла волна громких разоблачений деятельности партии, которой так памятны для нас годы, начиная с середины 80-х, а вслед за ней — волна массового выхода из партии. Я оказалась одной из первых. На одном из партийных собраний Института мы вместе с И. Бестужевым-Ладой озвучили свои заявления и вышли из партии. Это имело тогда резонанс в партийных кругах Института.

Во-вторых, в 1987 г. я впервые выехала за границу, в Париж, на конференцию.

Первая поездка за рубеж, и вдруг — Париж. Предыстория, как я узнала впоследствии, была такова. Иностранным коллегам надоело видеть на международных мероприятиях, посвященных молодежной проблематике, маститых советских ученых преклонного возраста, и они попросили пригласить кого-нибудь из молодых. Конференция, которая проходила в Сорбонне, была посвящена Горбачевской перестройке и "поколению Горбачева", как это тогда называли. А я тогда издала брошюру "Неформальные объединения молодежи: вчера, сегодня и зав-

тра" и занималась проблемой молодежных инноваций. Тогда молодежь тесно связывалась с концепцией социальных инноваций, казалось, что именно самостоятельные объединения молодежи могут стать двигательной силой социальных изменений. Вот так в составе делегации оказались В.И. Чупров, как руководитель сектора молодежи, и двое молодых: Марина Малышева и я. Естественно, эта поездка в Париж сломала многие из моих тогдашних стереотипов. Представление о поездке за рубеж как о "прыжке в другую реальность" сработало и на мне.

— **Что конкретно произвело на вас столь сильное впечатление?**

— Конечно, сам Париж, который, как оказалось, действительно "стоил мессы". И новый для меня во всех отношениях образ жизни "нормального" общества шокировал, заставлял проводить сравнение с собственной жизнью и жизнью моих соотечественников. И встречи с коллегами, которые, как выяснилось, многое знали о нашей стране и были на удивление толерантны к выступлениям молодых неопытных исследователей. То есть это был новый социальный опыт во всех отношениях. К тому же я там познакомилась с новым профессиональным кругом — коллеги, с которыми потом я часто сталкивалась на других конференциях. Это существенно расширило мое представление о профессиональном сообществе, вывело меня за круг только национального общения. Оказалось, что моя работа вызывает интерес, может быть даже опубликована за рубежом (действительно, впоследствии моя статья на основе этого выступления появилась в коллективной книге британского издательства [1]). Это была первая зарубежная публикация, значимая для моего вхождения в круг международного сообщества. Я почувствовала уверенность в своих силах. Я тогда сделала еще одно приобретение уже личного плана: приобрела близкую подругу, преподавателя Сорбонны Веронику Жобер, с которой дружу вот уже более 20 лет. То есть открытие границ и узнавание "внешнего" мира для меня свершилось в те перестроечные годы. В результате, это кардинально повлияло на мое профессиональное самоощущение и предопределило многое в дальнейшей карьере.

В последующие годы я несколько раз попадала в Париж по разным профессиональным поводам. В 1993 г. Фрэнсис Конт, декан ф-та славистики Сорбонны УШ, пригласить меня прочитать публичные лекции для студентов в Пале Ройаль. Позже я была два месяца на стажировке в SNRC. А уже в начале 2000-х мэр Парижа пригласил меня в числе 20 женщин-исследовательниц из разных стран мира на конференцию, посвященную празднованию международного дня женской солидарности (8 марта).

И третьим судьбоносным событием того времени стал приход в Институт нового директора — В. А. Ядова, который совершил структурную революцию в институте. Во-первых, произошло разделение института. Вместе с Г. И. Осиповым ушло все партийное бюро и некоторые руководители отделов. Перед каждым сотрудником встал выбор: или остаться в Институте или же перейти в стан "партийцев" во главе с Осиповым. Наше учреждение во главе с Ядовым стало беспартийным, партийное бюро было ликвидировано, и начался новый этап — либерализация институтской жизни. Самым знаменательным в этом направлении стал отказ от жесткой отделско-секторской системы организации и переход на систему исследовательских проектов. Надо было только подать заявку на такой проект и указать лиц, которые хотели бы с тобой работать в этом проекте. Сейчас, по прошествии времени, и в совсем другие времена, этот процесс кажется неправдоподобно-либеральным, близким к анархии, но тогда этот "Юрьев день" освобождения от административной зависимости помог многим молодым, прежде зависимым исследователям, сделать самостоятельный выбор и попытаться изменить свое место в науке и в институте. На волне этой инициативы Ядова тогда заявила о себе целая плеяда социологов более молодого поколения, которые пере-

шли в статус самостоятельности, получив "звание" руководителя проекта, хотя иногда это был проект одного человека. Появились проекты М.Поздняковой, М.Черныша, А. Кинсбургского, А. Жаворонкова, Е. Даниловой, С.Климовой, Н.Шматко, О. Крыштановской, О.Трущенко и других. То есть произошел некий "поколенческий" прорыв. За эти годы не все подобные проекты оказались состоятельными, некоторые сотрудники вообще ушли из науки, некоторые вновь влились в более крупные подразделения, но тогда нам был предоставлен шанс, и многие им воспользовались.

Мы ушли из сектора Чупрова (который и так был расформирован в связи с уходом Чупрова в команде Осипова) вместе с Мариной Малышевой, а позднее к нам присоединилась Е.Мещеркина-Рождественская. Был образован проект на основе титмовской тематики "Пути поколения".

Для меня это была действительно "поворотная точка" биографии, которая стала определяющей для всей последующей траектории.

— **Какие же новые горизонты для Вас открылись?**

— Главное — мы теперь стали сами принимать решения о направлении своей научной деятельности и приобрели личную ответственность за их исполнение. Проект "Пути поколения" постепенно разваливался. Самостоятельно, только в одном московском регионе его проводить дальше не было смысла, и следующий этап (3-й этап) лонгитюда фактически заглох.

Но тут появился совсем новый и неожиданный поворот. В 1990 г. по "наводке" В.А.Ядова, который знал наши "когортные" наработки в лонгитюде Титмы, к нам обратился французский исследователь Даниэль Берто. Как многие его коллеги, на волне перестройки оживившие свой интерес к России, он приехал в Москву, чтобы осуществить свой "российский" проект "Социальная мобильность в России в трех поколениях". Ядов направил его к нам.

Его коллега, с которым он вместе осуществлял тот проект, Пол Томпсон (Оксфордский университет), был скорее историком, работающим в поле так называемой "устной истории", а Дэниэл Берто (SNRC, Париж) считал себя последователем Алана Турена. Для нас они стали проводниками нового направления, дотоле совсем неизвестного у нас. Они работают в области биографического метода, а Даниэль Берто считается в международном сообществе основателем метода "истории жизни".

Биографическим методом он стал заниматься в конце 60-х — начале 70-х на фоне общей западной тенденции к гуманизации общественных наук (D. Bertaux, *Biography and Society*, 1981). Это было время мировоззренческого и методологического поворота в социологии. В отличие от традиционного для социологии взгляда на жизненные пути как типизированные потоки социальной мобильности (например, так это рассматривалось в проекте Титмы), социологи стали вновь заниматься проблематикой жизненных стратегий людей, возрождая традиции Чикагской школы. То есть человек рассматривался как субъект своей биографии, который осуществляет различные жизненные выборы и выстраивает свою биографическую стратегию в условиях определенных социальных нормативов, а иногда и изменяющий их. То есть общий методологический посыл состоял в подходе к социуму "снизу": как из "случаев" индивидуального и коллективного жизненного выбора в обществе зарождаются новые тенденции или новые коллективные практики, а иногда и просто происходит отклонение от "типичного" в сторону локального, "специфического". Подход Д.Берто к биографическому материалу можно назвать "фактографическим", поскольку его больше интересовал не способ изложения (индивидуальной наррации), форма "презентации" своей биографии субъектом и внутренняя мотивация, но ее фактологическая основа: как выстраивается череда жизненных событий и фактов, или, другими словами, как складываются "индивидуальные траектории" мобильности. Словом, это был

взгляд на социальное со стороны индивидуального — противоположный нашему предшествующему (позитивистскому) социологическому представлению об обществе как об "обществе порядка".

Отсюда и направленность его интереса к России и ее прошлому: как в авторитарном обществе люди реализовывали свои жизненные стратегии "вопреки" жестким нормативным рамкам: на уровне "частного", локального, отклонения от нормы. В те годы это был также интерес к тому, как локально, на уровне "отклонения" зарождались социальные инновации в изменяющихся социальных условиях.

Его основной мотив приезда в Россию, свойственный многим западным исследователям того времени, — принять участие в исторических изменениях в этой стране и найти коллег. Он приехал не учить, а сотрудничать, это мы всегда высоко ценили в процессе нашего сотрудничества.

Итак, для нашего маленького коллектива это была настоящая ломка сложившегося профессионального мировоззрения: от позитивизма к субъективной социологии. Методика биографического исследования, которая предполагала ряд совсем новых для нас методических процедур, начиная от характера общения с респондентом и заканчивая интерпретативными методами анализа, оказалась "импортированной" с Запада. Но тогда многое, в социологии в том числе, у нас импортировалось. Не все прижилось, как например, гендерные исследования, которые очень быстро сошли на нет. Да и для продвижения этого направления потребовалось долгое время и "хитрая" стратегия, которую мы разработали у себя, в нашем маленьком коллективе. Она предусматривала многоходовую тактику внедрения нового подхода в поле отечественной социологии: сначала переводы западных статей, затем собственные статьи, а потом уже и книги. Где-то вдалеке, в перспективе замаячила идея издавать также свой двуязычный журнал.

Этот поворот к изучению "истории жизни" для нас упал на подготовленную почву. Я, да и многие бывшие участники проекта "Пути поколения", испытывали неудовлетворенность от "позитивистских" результатов нашего долговременного проекта. Мы работали долгие годы, собрали уйму ценной информации о сложных статистических связях и закономерностях, но не могли получить значимых содержательных выводов из этой обширной информации. Методологическая неудовлетворенность заставила нас с энтузиазмом встретить предложение Даниэля Берто и полностью включиться в его проект. Тогда нас было в основном трое: Марина Малышева, Екатерина Фотеева и я. Позже присоединилась Елена Мещеркина-Рождественская, а непосредственно во время приезда Берто она проходила стажировку в Билефельде, в Германии, где осваивала немецкий подход к биографическому методу.

В проекте Берто предполагались семейные интервью с представителями 3-х поколений семьи о социальной и профессиональной мобильности на протяжении десятилетий советского периода истории. За точку отсчета мы брали выборку нашего лонгитюда, там находили адреса "молодых" респондентов, а затем уже проводили интервью с представителями старших поколений этой же семьи. Сочетание с выборкой лонгитюда давало возможность сопоставлять количественные данные о когорте и "качественные" данные о социальной мобильности семьи от поколения к поколению.

Сложностей было несколько. Во-первых, мы совсем не владели методикой глубинного интервью и постигали его на ходу, полагаясь на рекомендации и комментарии Даниэля.

Во-вторых, надо было осваивать новые виды работ по транскрибированию текстовых данных, а также по переводу этих длинных текстов (40-60 стр.) с русского на английский. К тому же, мы совсем не умели интерпретировать описательные данные и переводить их в социологические категории, все постигали на ходу и в этом сильно помогал Даниэль. Но со своей стороны, Даниэль плохо владел спецификой советских реал-

лий, и не мог делать интерпретации без нашей помощи, он каждый раз проверял достоверность своих предположений в ходе коллективных обсуждений. Нас же выручала наша предыдущая социологическая подготовка и общее (статистически-количественное) представление об отдельных социальных процессах в России. Мы погрузились не только в новую для нас область долговременного психологического контакта с респондентом "face-to-face", но и в область "прошлого", российской истории, поскольку многие модели мобильности в биографиях можно было понять только на фоне определенных социально-исторических процессов, как локальных, так и общенациональных.

О сложности работы в этом первом российско-французском проекте свидетельствует тот факт, что Пол Томпсон (британский коллега Берто) потерпел крах в своей стратегии сотрудничества с российскими коллегами. Он взял на себя Питерскую часть проекта и подготовил там команду профессиональных интервьюеров (психологов, но не социологов), которых обучил технике проведения семейных интервью. Интерпретацию материала взял на себя. И, когда потом перевел интервью на английский язык, оказалось, что он не в состоянии проинтерпретировать их, поскольку, как англичанин, не представлял социального и культурного контекста страны в целом, а также конкретного контекста изучаемых семей. В результате он попросил меня заняться этими интервью, чтобы вынести из них хоть какой-то социологический смысл.

Над этим проектом мы работали в 1990-1994 гг. За это время мы неоднократно участвовали в различных семинарах и школах, в Англии, во Франции и в других странах, выезжали на кратковременную стажировку на два месяца к Даниэлю Берто в Париж, и постепенно в ходе работы овладевали новой для нас техникой и новым взглядом на социальное, глуже постигали теоретические и методологические основы качественной методологии в целом.

— Меня заинтересовало Ваше упоминание о том, что в семьях Вы интервьюировали представителей трех поколений. В моих историко-биографических исследованиях я говорю о трех составляющих судьбы человека: предбиографии, биографии и постбиографии. По сути, вопросы к респонденту о его родителях, бабушках-дедушках — с них мы начали и нашу беседу — более удаленных предках — это изучение предбиографии. Полученная Вами информация о трех поколениях членов одной семьи может что-либо интересное, нетривиальное сказать о предбиографии самых молодых?

— В то время — начало 90-х — в нашем проекте интервью с молодыми взрослыми не было для нас центральным фокусом. Истории их родителей и прародителей рассматривались как самостоятельные жизненные истории, вложенные в контекст предшествующих десятилетий советской истории. Например, нас интересовало, как бывшие состоятельные слои российского общества, дискриминированные после революции, восстанавливали свой социальный и образовательный статус в следующем поколении, каковы были семейные стратегии выживания и сохранения своего семейного культурного капитала. Но если вернуться к вашему вопросу о "предбиографии" молодого поколения, то оказалось, что для тогдашних молодых взрослых большую значимость имело влияние их бабушек и дедушек, т.е. пра-поколения, чем опыт родительского поколения, т.е. трансляция семейного капитала происходила "через" поколение. Я подчеркиваю, что "тогда", в начале 90-х, поскольку по-моему, это был ситуативный результат. Тогдашняя ситуация резких социальных изменений активизировала долговременную семейную память о сходной ситуации социальной нестабильности в годы революционных событий начала XX века и стала точкой отсчета в формировании семейных стратегий в период экономических реформ. Этим сюжетам трансляции семейного капитала в трехпоколенных

семьях посвящена наша книга "Судьбы людей: Россия XX век", и, в частности, моя статья о роли бабушек в российских семьях. Хотя аналогичные количественные исследования социальной мобильности в России зафиксировали ту же тенденцию связи между социальной позицией прародителей и их внуков при отсутствии связи со статусом родителей. Но это требует отдельного долгого объяснения.

— На базе почти полусотни интервью с российскими социологами я недавно рискнул описать генеалогию нашего сообщества. Я пытался найти нечто подобное применительно к другим профессиональным группам (скажем, кадровым военным, музыкантам, ремесленникам, вспомним, булочников Берто), в которых из поколение в поколение передается верность профессии. Но пока не нашел таких исследований. Может быть Вам они встречались?

— Я думаю, что в нашей стране с генеалогиями дело иметь сложно, слишком много катаклизмов, чтобы сохранилось что-то в пяти поколениях, как у Берто. Хотя и у него в исследовании на протяжении пяти поколений наследовалось только сугубо социальная ткань: социальные связи в непосредственном окружении (соседские связи), которые передавались из поколения в поколение как социальный капитал, но при этом социальный статус самого кормильца, главы семьи, с изменением общества постоянно менялся.

Я таких массовых опросов не знаю, но и в наших интервью мы сталкивались с ситуациями, когда в советские годы (на протяжении от 30 до 70-х годов) из поколения в поколение менялся уровень образования, профессиональный статус, место в профессиональной иерархии, но неизменным оставалось профессиональная сфера, "отрасль" профессиональной принадлежности: например, молодые поколения повторяли своих родителей, работая в сфере "почтовой связи": старшие поколения начинали почтальонами, а дети — инженерами связи, или же очень распространенная отрасль "железнодорожный транспорт": прародители и родители работали на строительстве дорог, а дети становились железнодорожными служащими или инженерами в этой же отрасли. Не могу на основании только семейных историй дать более обобщенный ответ, но можно предположить, что семейный капитал способствовал определенной сословной стабильности, а общественные изменения вносили изменения в образовательный статус потомков, поскольку они вступали в ту же сферу, но в другом статусе.

— Вы знаете, что Д. Берто оказал определенное влияние на понимание В.Б. Голофастом биографического метода. Но еще до Берто ленинградцы познакомились с Й.П. Роосом, который неоднократно приезжал в Институт социально-экономических проблем АН СССР, хорошо освоил русский язык. Это было начало 80-х, и именно Роос познакомил нас с биографическим методом. Вы не в курсе, он и сейчас продолжает свои поиски? Что ему удалось сделать в последние годы?

— Я часто встречала Пека Рооса на разных международных мероприятиях, раньше он часто приезжал и в Москву. Одно время он возглавлял Комитет по биографическому методу в Европейской социологической ассоциации и сделал много для его развития и становления. Сейчас встречаю его реже.

У меня создалось впечатление, что за последние годы он стал более скептически относиться к биографическому методу, считает, что метод исчерпал свой эвристический ресурс и не может развиваться дальше. В международный комитет по биографиям пришло более молодое поколение, которое ищет новые способы применения и развития этого метода на пути его пересечения с другими дисциплинами, включая антропологию, семиотику и социолингвистику, а также фотографию и искусство.

— Итак, Вы погрузились в методологию Д.Берто, работали с ним. Что затем произошло в Вашей жизни?

— В 1992 г. произошло еще одно судьбоносное событие — по конкурсу я получила грант на пребывание в Кембридже в качестве приглашенного исследователя (fellowship) в колледже St. John's в течение семестра. "Fellowship" как статус означает приглашение исследователя в качестве "члена колледжа" (как члена избранного клуба, это членство остается на всю жизнь) для самостоятельных занятий по его собственной проблематике. Пребывание там я считаю своим вторым рождением, а сам колледж своей второй родиной.

Атмосфера колледжной жизни в Кембридже является уникальной для современного мира. Это замкнутое интеллектуальное пространство, существующее как бы вне времени и пространства современной быстротекущей социальной жизни. Все пропитано атмосферой интеллектуального творчества: кажется, все люди существуют там, только чтобы думать и творить. Вся инфраструктура городка настроена на это: везде колледжи, книжные лавки и магазины академической атрибутики. Самой распространенной формой одежды на улицах являются академические шапочки и "гауны" (мантии). Даже в витринах магазина выставлены именно они.

Мне выдали заветный ключ, который открывал все двери колледжа, начиная от старинной библиотеки со свободным доступом к книгам, а также все другие двери и калитку в частный сад, который организован как место для философских размышлений. Жизнь казалась нереальной.

Мне выпал счастливый лотерейный билет, благодаря которому я могла свободно погрузиться в чтение. Для меня это была возможность более глубокого освоения нового для меня социологического мировоззрения: я осваивала символический интеракционизм и работы Дж.Мидса, изучала работы Чикагской школы, А. Страусса, работы по биографическому методу и качественной методологии. Там же готовила учебный курс лекций для студентов по проблематике поколений. Несколько раз выступала с лекциями перед студентами-руссистами.

Вернулась в Москву воодушевленная и обогащенная новыми знаниями. Только там я поняла окончательно всю радость и удовлетворение от углубленных интеллектуальных занятий, когда тебя ничто не отвлекает, а только настраивает определенным образом на дальнейшее самосовершенствование в кругу таких же, как ты людей, стремящихся постигнуть свою профессию.

— Вика, что удалось сделать на основе ваших новых знаний — умений?

— По возвращении мы с коллегами решили, что наш проект с Берто — это не единовременное мероприятие, что мы всерьез будем и дальше работать в этой области.

Показалось интересным и актуальным использовать качественный подход не только при обращении к истории, к прошлому, но при изучении новых тенденций в "настоящем" (чего обычно не делали наши западные коллеги). Самым актуальным в поле отечественной социологии тогда была проблематика социальных инноваций в изменяющемся обществе, зарождение новых норм, в частности, появление на арене новых акторов — российских предпринимателей. Мы получили грант на изучение типовых стратегий вхождения в класс предпринимателей и формирование культуры среднего класса ("На пути в средний класс: стратегии молодых интеллектуалов" — грант "Открытого общества" 1993-1994 гг.). Методической основой проекта были глубинные интервью с представителями той же возрастной когорты "молодых взрослых", которые избрали разные стратегии профессиональной мобильности в послереформенное время. Стратегия глубинного интервью позволяла сконцентрироваться на индивидуальных характеристиках тех, кто входил тогда в эту инновационную сферу деятельности. Концепция социальных инноваций очень удачно сочеталась с методами биографического интервью. В результате проекта мы вышли на построение типологии молодых профессионалов, которые использовали разные стратегии по отношению к

предпринимательству: от полного неприятия этой сферы до полноценного вхождения в нее, а также рассматривали личностные факторы, которые способствуют или препятствуют этому процессу [2].

Продолжали также задуманную пропаганду качественной методологии на российском поле. В отличие от западной социологии тогда в России качественные методы не воспринимались всерьез, а рассматривались, скорее, как "журнализм", которым занимаются люди, плохо владеющие серьезными методами статистического анализа и понятиями выборки. Как можно на нескольких интервью строить какие-то умозаключения? Наш кружок был сплоченным, но очень замкнутым. Поддерживал нас только Ядов, и то только формально, поскольку он всегда с энтузиазмом относился ко всему новому и нестандартному. Надо было искать пути легитимации качественной методологии.

Начали с перевода уже имеющихся трудов наших западных коллег: все, что делается на Западе, кажется более легитимным, чем разработанное на собственной почве. В 1993 г. вышла маленькая брошюра "Биографический метод: история, методология, практика" (ред. Е.Мещеркина, В.Семенова) [3] с переводом с английского и немецкого языка трудов наших наиболее известных коллег, работающих в поле биографического метода и в поле устной истории. Сейчас эта книжица является библиографической редкостью, и ее часто спрашивают молодые коллеги. В те же времена вышли несколько статей Даниэля Берто и Пола Томпсона в журнале "Логос".

Я не могу сказать, что только мы стали пропагандистами нового тренда в социологии. Одновременно с нами биографическим методом стали интересоваться в Питере Елена Здравомыслова и Виктор Воронков. Появилась целая команда, прошедшая учебу в Германии в Билефельде, куда входили Елена Омельченко, Инна Девятко, Е.Мещеркина-Рождественская, Саша Малинкин и др. По-моему, даже Ольга Маслова одно время была сориентирована на это. Но все они по-разному восприняли этот опыт и не все "приняли" эту методологию.

Появились исследователи, которые работали в этом же "жанре" в рамках истории или, более точно, устной истории. Это, прежде всего, Ирина Щербакова, работающая в "Мемориале". Их команда собирала устные интервью (или скорее свидетельства) участников разных исторических событий и процессов: от бывших узников ГУЛАГа до представителей локальных культур — жители Алтая, казачество и т.д.

А в 1996 г. вышла наша первая коллективная книга "Судьбы людей: Россия, XX век" [4], написанная уже на наших материалах по следам проекта с Даниэлем Берто; через несколько лет вышел английский вариант этого труда [5]

Следующим нашим шагом мы считали выпуск учебного пособия. Книга "Качественные методы: введение в гуманистическую социологию" [6] вышла в 1998 г. и потом переиздавалась. Фактически она стала первым русскоязычным учебником по качественной методологии, на годы приобрела популярность у студентов и молодых социологов, впервые знакомящихся с этими методами. Во всяком случае, ее часто цитировали все, кто обращался к этой области. Потом, в более коротком и обновленном варианте содержание этой книги вошло в мою главу в книге В.А.Ядова "Стратегия социологического исследования". С другой стороны, это было следующим шагом в реализации нашей общей долговременной стратегии на продвижение качественных методов в поле российской социологии.

А следующей ступенью мы считали создание двуязычного научного журнала по качественной методологии, который бы стал звеном, связывающим два потока качественных исследований; развитую методологию запада и развивающуюся практику качественных исследований в России. Журнал ИНТЕР как двуязычное периодическое издание стал выходить с 2002 года (ред. В.Семенова Е.Рождественская, Л.Иновлоки). К сожалению, издавать его регулярно у нас не получается из-за отсутствия ма-

териальных и человеческих ресурсов, но тем не менее получают интересные номера, вызывающие интерес у круга людей интересующихся этой областью. Отдельные тематические номера посвящены биографическому методу, визуальной социологии, социологии детства и т.д.

Со временем я познакомилась с несколько иной школой биографического метода, которая была наиболее развита в Германии, а заодно и с немецкими исследователями. Это школа Фрица Шютце, основанная на объективной герменевтике. В отличие от фактологического подхода, основанного на анализе жизненных событий, она рассматривает биографическое повествование скорее как форму нарратива, устной самопрезентации человека. И соответственно, объектом анализа становится текстуальная форма нарратива: как в словесной символике отображается социальная природа реальности. Исходя из этого подхода, эта школа структурирует и кодирует нарратив, переводя секвенции текста в категории, подлежащие социологическому анализу. Через немецкую школу я глубже поняла и другой подход, существующий в рамках качественной методологии, возникший на американской почве, но имеющий немецкие корни: Grounded Theory, Anselm Strauss.

В эти годы появилось также несколько моих статей в разных западных изданиях, многие из которых пришлось мне потом переводить уже с английского на русский, чтобы опубликовать в России. То есть для меня важное значение приобрел также международный контекст существования российской социологии.

В 1998 г., подготовленная всем своим предшествующим опытом, я решила писать докторскую диссертацию, поступила в докторантуру. Только что вышедшая книга по качественным методологиям была хорошим основанием для защиты докторской на основе публикации. Но здесь опять я оказалась в ситуации выбора: я понимала, что, идя по пути методологии, меня ждет трудный путь дискуссий в научном сообществе относительно легитимности качественной методологии. У меня "в запасе" была и другая, уже разработанная и более спокойная, тематика — проблема поколений. Я решила посоветоваться с В.А. Ядовым, он тогда еще к тому был и директором Института. Ядов, не знаю, помнит ли он об этом сейчас, твердо сказал: надо писать по новой методологии. Она спорна, тем и интересна.

Так я вступила в поле подготовки докторской, научным консультантом стал Владимир Александрович. Все шло отлично до момента защиты диссертации. Я считала, что докторскую я защитю также успешно, как и кандидатскую. Но на защите была действительно "рубка". Многие члены Совета ополчились против этой "качественной" методологии (а что, остальная социология, значит, некачественная?!). Было много выступлений "против". Говорят, я сражалась мужественно, но мнение Совета склонялось в сторону полного неприятия диссертации и новой методологии как ненаучной, субъективистской, волюнтаристской, подвергнутой сомнению устоявшиеся представления о логике социологического анализа.

Это был 2000 г. и первая защита по такой "восходящей от эмпирики" методологии. Теперь такие защиты проходят на "раз-два" во всех Диссертационных советах, даже самых провинциальных, куда меня приглашают для возможной поддержки молодых ученых. Но теперь такая поддержка и не требуется. Моя же защита была первой, и весь огонь пришелся на меня. Это теперь упоминание "сочетания качественной и количественной методологии" как основы диссертационного исследования считается уже банальным, и даже не вменяется в заслугу автора.

Но все же, в конце концов, все окончилось благополучно благодаря охлаждающему выступлению Ольги Крыштановской. Я до сих пор испытываю к ней благодарность. Она призвала не быть консерваторами, обратить внимание на новизну подхода автора, на новые горизонты, которые, возможно, от-

кряваются с приходом этой методологии, независимо от того, нравится она нам или нет. Члены Совета как-то успокоились, и в результате только четверо проголосовало "против". Эта защита мне до сих пор снится как одно из самых тяжелых событий моей профессиональной жизни. А ведь я могла защищаться по поколениям, и все было бы существенно проще...

— **"...Не надо печалиться, вся жизнь впереди..."**, **наоборот, именно такие защиты и становятся важными для диссертанта и для науки...**

— После защиты я на полгода уехала во Франкфурт-на-Майне, куда была приглашена в качестве штатного профессора для чтения лекций. Профессорский статус требовал напряженной работы и чтения четырех курсов (два лекционных и два семинарских для студентов разных курсов, как это принято в Германии, а также и аспирантов). Два курса были основаны на преподавании качественной методологии и два были ориентированы на русскую специфику (Практика использования биографического метода в современной России, Россия в контексте современных исследований культуры).

Естественно, что я серьезно отнеслась к подготовке этих курсов и к их чтению. Ведь это был знаменитый Франкфуртский университет со знаменитой Франкфуртской школой. И теперь, русская преподавательница во Франкфурте читает курс по качественным методам. Но я очень горда, когда теперь, приезжая на конференции по качественным методам, встречаю там своих бывших студентов из Франкфуртского университета. Они продолжают работать в этом направлении, пишут свои Ph. D. в этой области.

Потом, в 2002 г. был короткий курс в Университете Майами, куда меня пригласила моя молодая американская коллега.

Преподавание в разных национальных контекстах помогло мне понять сходства и различия студентов в разных культурах. В американской царит такой дух демократизма, что они (преподаватели) сами с ним еле справляются. Студенты, которым весь семестр (триместр) твердили, что они такие хорошие, что они так здорово отвечают, что у них "все получится", сталкиваются, наконец на сессии с понятиями дисциплины и с критической оценкой в свой адрес и ни за что не хотят их признавать: ведь вы так хвалили меня!

Набравшись преподавательского опыта, я стала легче относиться к преподаванию и у себя дома. Раньше мне казалось, что исследовательская деятельность куда интересней, чем пре-

подавательская. Но, наверно, время пришло, и я с интересом включилась в преподавательскую и организационную работу. К счастью, это было особое учебное заведение — Государственный академический университет гуманитарных наук, образованный на базе Академии наук, где на курсе всего 20-25 человек. Конечно, это было с подачи В.А.Ядова, что я стала там же заместителем декана социологического факультета (т.е. зам. В.А.Ядова), что тоже мне очень подходило. С тех пор веду там курсы лекций и стала работать по системе "учитель-ученик", где уже роль учителя выполняю я. Появились свои аспиранты и свои любимые ученики, свои молодые сотрудники. Т.е. происходит передача профессиональных функций от старшего поколения к младшим.

А работу по поколениям я все же тоже довела до конца. В прошлом году вышла моя книга "Социальные проблемы поколений" [7], в которой я подвожу итог всей своей многолетней работе над этой проблематикой.

— **Спасибо большое, Вика.**

Литература:

1. Semenova V. Changing Attitudes in Soviet Reality in the Mirror of Glasnost / Ed. By Riordan. London: Macmillan Press LTD. 1992.
2. Semenova V. On Transition to the Middle Class: Professional Strategies of Young Intellectuals in Russia. In: 'Middle Class in East and West' / Ed. by M.Kivinen. Dartmouth, UK: 1997.
3. Биографический метод. История. Методология. Практика / Ред. Мещеркина-Рождественская Е., Семенова В. М.: ИСАН/1993.
4. Судьбы людей: Россия. XX век. Биографический метод в социологии / Ред. Д.Берто, В.Семенова, Е.Фотеева. М.: ИСАН/1996.
5. On Living Through in Soviet Russia / Eds. D.Bertaux, P.Thompson, A.Rotkirch, London: Routledge. 2004.
6. Семенова В. Качественная методология: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет. 1998.
7. Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность, М.: РОССПЭН. 2009